

ЛАСТОЧКА

Светлане Д., которая оказалась в нужное время в нужном месте и своей мудростью, идущей не от рассудка и опыта, а от сердца и молодости, спасла мне жизнь, сделав тем самым написание этой книги возможным.

*А также всем тем, кто не боится.
И помнит.*

.../.../94 Г. ЛЕТО

- Ты видел у нас на холодильнике корзинку для хлеба?
- Видел, конечно. А что?
- Да понимаешь, я заметила, что хлеб оттуда как будто кто-то ворует. Пакет постоянно разворочен, разорван...
- Ну что же?
- Вчера захожу на шорох в кухню, а там — голубь! Представляешь? Ворует хлеб! Дело в том, что форточка у нас постоянно настежь, вот он и повадился.
- Дурная примета: птица в окно. К смерти.
- В самом деле? По-моему, только, когда ласточка.
- А по-моему, не важно.
- Да нет. Только, когда ласточка. У меня, кстати, есть — игрушка. Над кроватью повесили, когда я родилась. Тогда это было модно. Я тебе подарю.
- Не надо.
- Возьми.
- Ну, хорошо. Спасибо.

29.12

У кого-то листок в машинке уже второй день торчит.

... ..

Это вовсе не значит, что ты должна подходить и печатать.

... ..

Сам ппчатай .

... ..

Уже. Так... сегодня 29 декабря 00 года. Позавчера я последний раз видел Анну Ревель и теперь разминаюсь перед тем, как описать обстоятельства нашей встречи. Надо снова привыкать к клавиатуре — давненько я не сиделся за машинку.

КАК МЕНЯ ЗОВУТ?

В мире — пока не знаю: я еще не выправил себе паспорт. Здесь меня будут звать, наверно, Олегом.

КАК ЗВАЛИ ЕЕ? КОТОРАЯ ЛАСТОЧКА?

В мире ее звали Анной. Но здесь будет фигурировать (подходящее для нее слово: «фигурировать») другая Анна — Ревель. Поэтому буду называть ее Ласточкой. К тому же — удобно набирать на клавиатуре. Анна — это Анна. Ласточка — это Ласточка.

ЧТО ЗДЕСЬ ВЫДУМКА?

Все, как в любой дешевой пьесе.

ЧТО ЗДЕСЬ ПРАВДА?

Все, как в постановке любой дешевой пьесы, где роли исполняют живые люди. Только у меня они (читай — «мы») не раскланиваются после того, как только что перестреляли друг друга, и не потирают ушибленные о сцену задницу и прочие места. Я взял да и зарядил пистолеты по-настоящему.

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО БЫЛО НАДО?

Ну, Анна сама виновата: она верила во все мои истории, но не поверила в единственную среди них правдивую — в историю Ласточки. Кончилось тем, что я сам начал сомневаться, где правда, где вымысел. Пришлось сделать правдой все. Искусство требует жертв. Пур парле, иль аро заериф.

Наташа! Не заглядывай через плечо — все равно эта мура в книжку не войдет.

... ..

Пока ты вкручивал лампочку, я все перечла, и советую тебе это использовать.

... ..

Без сопливых вижу, что можно. Только не знаю, каким местом.

... ..

Видишь, а сам сколько бумажек пожег. А за сопливых оставлю без ужина.

... ..

Испугала! Схожу в кафешку, найду, что натолкать в брюхо. Ты и готовить, кстати, не умеешь.

... ..

Свинья. А на улицу не пушу: придешь — опять будет пивом разить. Лучше посиди и подумай, как написать

так, чтобы не выставить меня полной дурой.

... ..

«Лучше» пишется без мягкого знака. Запомни: «лучше много не бывает». Меня одна девушка научила.

... ..

Как зовут?

... ..

Не скажу.

... ..

Я и так знаю. Мне наплевать.

... ..

Не сердись. Я же ТЕБЯ искал четыре года.

... ..

А не шесть?

... ..

Четыре. Года два я о тебе и не думал.

... ..

Врешь ты, что искал. Если б не попал ко мне в клинику, то я и не знаю... Ужинать давай.

... ..

Погоди, еще немного... А то нажрусь, отяжелею, спать захочется.

ДЛЯ ЧЕГО Я ЭТО ПИШУ?

Идет чувак из пункта «А» в пункт «Б». Ему открывает дверь другой чувак. Они садятся и начинают трепаться о дружбе.

Идет чувак из пункта «Б» в пункт «В», ему открывает дверь чувиха, они до и после соития трепаются о любви.

Эти маршруты редко меняются. Слова — тем более.

Такие вещи, как любовь, дружба, ненависть уже давно не подкрепляются мало-мальски интересными действиями, мыслями... Они держатся на стометровых перемещениях и примитивных диалогах в одинаково обставленных комнатах.

Я хочу хоть кого-то заставить поверить, что случаются между людьми вещи и поинтереснее, чем все вышеизложенное.

О ЧЕМ ЭТА КНИЖКА?

Я познакомился (давно-давно) с девушкой и помог ей донести до дома сумку.

Мы начали общаться.

Мы съездили на несколько дней за город.

Она подарила мне свою старую игрушку.

Вскоре после этого я пришел к девушке в очередные гости и увидел на дверях печать. Ее соседка (которая сейчас безуспешно пытается накормить меня ужином) сказала, что девушка погибла.

Я начал сходить с ума.

Ничего интересного: «У Леши девушка тоже руку сломала, но он же учебу не бросил (вены не резал, водку не пил, над другими девушками не издевался и т.д.)».

Эта книга не об этом. Эта книга о книге, которая об этом.

ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА?

Как-то я видел явного чмошника — такого затюканного, неопрятного, грязненького глисту, который покупал сборник «Аббы».

Недавно видел в метро плохо одетую мечтательную девушку с невымытыми волосами, которая читала «Алые паруса».

Еще я знал людей, которые чужую откровенность (говоря иначе: нытье) воспринимают, как проявление особого доверия и испытывают благодарность.

Так вот: эта книжка не для них.

Я пишу для людей веселых, счастливых, эгоистичных, которым глубоко наплевать на всякие сказки и книжки, в

том числе на эту.

... ..

Кто курит перед едой, тот дурак.

... ..

Наташа хочет показать, что она счастливая эгоистка.

... ..

Ну хватит уже щелкать! И вообще: пиши повежливей, не морочь голову. Ничего же не понятно. Соблюдай хоть какую-то хронологию, систему...

... ..

Какие мы слова знаем! Ладно, слушаюсь. Дай мне вон папку.

... ..

ЧТО Я ПОЧУВСТВОВАЛ?

запись от 26.12.00

после исполнения окончательного решения.

Я повесил трубку и увидел, что ЭТО — хорошо.

Вот и все, что я почувствовал.

Это, бывшее сначала кошмарным настоящим, потом тяжелым прошлым, затем потугами на литературу, — став, наконец, реальностью, будет книгой.

И облегчением.

Теперь мне кажется, что и я тоже буду сидеть на скамейке, вокруг будет осень и какой-нибудь ребенок подбежит и сунет мне в колени слюнявую игрушку... Возможно, даже мой ребенок. Жаль только, что Анна /

«Когда все будет закончено, плесните ей в лицо кислотой.

Или разmozжьте его сапогами. Или сожгите — как угодно, но изуродуйте его до неузнаваемости!»

/ никогда не прочтет ее. Да и к чему? Она все знает не хуже меня. Где-то даже и лучше.

Осталось только вырезать заметку из

послезавтрашней газеты и букет — ну, это завтра. И все. История закончится.

А пока — отдыхать. Завтра, кстати, можно взяться за первую вставочку. Назовем ее:

.....

ДЕЛАЮ ТО, ЧЕГО НЕ СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ.

запись от...

за день до окончательного решения

Листаю старые черновики, а моя рука выводит: «Я листаю старые черновики».

Если эту «волшебную фразу» продолжать и продолжать, можно чокнуться. Теперь понятно, чем я занимаюсь?

Я листаю старые черновики, а моя рука выводит: «я листаю старые черновики, а моя рука выводит: «я листаю...»» — и так раздвигать, раздвигать рамки кавычек, пока сам туда не свалишься.

Как это возможно одновременно?

Да очень просто.

Черновики нет.

Они съезжились в одной из гостиниц Города, а я, не найдя ничего лучшего, разломил «жиллет», вынул лезвия и направился в ванну: печатная машинка глумливо показала мне язык. На сквозняке трепыхался тетрадный листок с грязным пятном предсмертной записки.

«Вы делаете одно движение — бритва делает три.»

Стыдно, конечно.

Если коротко: жив. А черновики — фюйть. Две большие картонные папки. Жалко.

Кое-что осталось, но, пример:

«актриса — не завидую — чехов — внутр. ар. — не

красива».

Или:

«кресло — мухи — губы — осы — никогда».

Это ухваченные налету и записанные шифром мысли, но они «быстро выдыхаются». Теперь сам не понимаю, что они означают.

Две большие картонные папки!

А то, что я нашел нужным восстановить (и, чего греха таить — сфабриковать) умещается в две средних размеров тетради. Вот они лежат передо мной. Это — Анне. Мой жестокий подарок.

Однако права она была — не то жена, не то подруга, когда говорила: «Я тебе завидую! Ты помнишь все до последней неправильной запятой!»

Анна почему-то всегда гордилась моей памятью, хотя страдала от нее гораздо сильнее меня. Я-то почти не боялся своих привидений.

Помню. Помню все семь или восемь попыток записать эту чертову книгу, каждая из которых была очередным шагом к смерти и, пожалуй, даже частным ее случаем.

Стоило, передвинув каретку, ненадолго прервать работу — вступала моя слишком хорошая память и, в итоге, меня самого передвигали в карете «скорой помощи» с различными душевными и телесными повреждениями. Роясь в памяти, я выкапываю могилу.

Но сейчас я не боюсь подобного исхода — дошло, наконец, что делать, чтобы роман заработал. Другая причина: у самоубийц со стажем острое нежелание жить в конце концов подменяется острым страхом реанимации. Там очень унижительно и скверно.

Боюсь другого: вдруг действительно пойду на то, на что уже почти решился? И неужели эта запись в самом деле войдет в первую главу?

Страшно.

Барахло ты. Ни хренушеньки ты не понял. Мозги

только сушишь. Не затевай ничего. Эта тетрадь останется недописанной, как и прочие.

Не заигрывай с читателем, которого у тебя нет. Да, но Наташа уже дала согласие...

Пи-эс: интересно, что я почувствую, если действительно сделаю тот звонок? Ну, после того, как положу трубку?

29.12

12 ВЕЧЕРА

Наташа! Ты все равно, пока я сплю, читаешь, что здесь у меня торчит в машинке. Ну так вот: раз прочла, постарайся написать утро Анны (когда ей пришло письмо). Ты девушка, у тебя это лучше выйдет. План я набросал, он в желтой тетрадке. Письмо рядом валяется. Ну, пожалуйста... Про Анну писать не охота. Когда напишешь, возьми с полки пирожок (шутка). Глянь: машина там цела или угнали уже?

Да, комнату не проветривай: я люблю, когда пахнет сигарой.

Пиши, не бойся. Я потом подчищу.

... ..

26.11.00

ЗДРАВСТВУЙ, АННА.

Фу... Пододеяльник отдает подмышками... Две недели белью — сменить пора. С днем рождения! Так... почту (сколько сейчас? Ого! Заспалась подруга...) приносят в двенадцать, мусорка в час. Если сейчас встать — успею накраситься, вынесу ведро... в магазин

за вином сходить, что ли — как? Жаль, что там нет моего шоколада. Вино там приличное. В угловом такой же «мускат», но там ненадежно...

Блинский, сегодня еще по Ольгиным делам! Это просто морское свинство с ее стороны. Купить бесалол... Нет, от него тошнит. Что же мне снилось?

Анна сделала потягушечки, легла на спину и пропела в потолок:

— Я люблю свой день рождения!

Получилось:

— Я... люблю свой день рождения?!

Восклицательный относился почти целиком к простой физиологии возгласа и чуть-чуть к скрытому: «Я люблю себя!»

А вот вопросительный (А был ли у тебя настоящий «день рождения»?) заставлял подумать.

Да. Был. Потому, что за неделю до него наконец-то ушел Олег. Навсегда. Теперь уж точно — навсегда.

Ну-ка:

— Я люблю свой день рождения!

Хорошо.

Мазня кончилась — тоже хорошо. От бесалола тошнит...

Дотянулась до радио: «Метель» Свиридова. Странный у них формат... А-А... понятно. В окне буран. На радио тоже не дураки сидят. Два шага до окна — «пол холодный, пол холодный!» — села на подоконник.

... ..

Здорово. Дождалась.

«Олег», я не умею писать, какого черта... Тем более, что ты спишь, я, чтобы не мешать, поставила машинку в кухне на стол, а она грохочет так, будто я стучу по столу скалкой. И вообще: Анна тут у тебя по плану думает про

Олега всякие гадости, и мне это писать вовсе неприятно. Зачем тебе это надо, не понимаю. Начал бы сразу с письма. Короче — я тебе не соавтор (как это тебе взбрело в голову), а всего лишь любовница. Я тоже спать иду. Встанешь — в холодильник кусок животного, разогрей его на сковородке во вчерашнем масле. (30 дек. 2000 г. 5 утра.)

.....

Наташа, ты права: ты не соавтор. Но не права в том, что, дескать, ты просто любовница. Ты, милая моя, соучастница. Иногда даже — единственная участница. Да, я сочинил всю эту ситуацию, просчитал ее, подсказывал, как тебе следует действовать и что, примерно, говорить. Но есть вещи, которые просто я не могу знать. Пойми, в чем фишка. Конечно, я могу обойтись без тебя, но тогда получится, что мы зря все провернули. Можно было ничего не затевать, а просто сесть и насочинять все. Но мы сделали это, и это — реальность. Забыла — разверни вон ту газету и прочти, что следует. И что, выходит, напрасно? И что — мне в петлю прикажешь или к тебе в клинику снова?

Не сбивай меня, иначе плохо кончится. Для тебя даже хуже, чем для меня — я уже и так десять лет чокнутый, и мало, что меня колышет. Но ты же не такая, верно?

Сделаем так: я пишу до того, как Анна приезжает на встречу с тобой «Олесей» (о, Боже, как я ненавижу это пошлое имя).

А как только ее (Анны) такси подъезжает к подъезду — садишься за машинку, дружище. (Диалог и все такое.)

Обещаю: я все подчищу. Помоги мне.

Давай не будет ссориться, а?

Да: млекопитающее доел, сковородку помыл. Сейчас сбегая за молоком, сварганишь себе омлетик, как продерешь глаза.

Чтобы машинка не гремела, подложи под нее свернутый плед. (Хотя — чего это я? Сам сейчас подложу.)

Еще просьба: ставь дату в начале записи, а не в конце, а то я из-за тебя тоже забыл. Не смотрился.

Вместо кофе попробуй чай с медом — ты опять во сне как-то нехорошо кашляешь. Таки продуло тебя в машине. Я бы заскочил в аптеку, да только тебя все равно не заставишь лечиться.

Ладно, что там... «Дождалась», говоришь? О-кей. (8-30 утра того же дня.)

... ..

... Дождалась.

И вспомнилось, как Олег бросил однажды на очередной ее ПМСный псих:

— Ты просто ждешь снега.

Она — растерянно (прав!):

— Мистика... Как ты узнал? — ожидала, дура, услышать нечто вроде: «Ну, Анютка, ведь я тебя люблю/чувствую/знаю».

А Олег устало, даже обреченно, нехотя:

— Что, верно? Нуда, конечно... Если б сейчас стояла осень, моя реплика: «Ты просто ждешь дождя» — тоже была бы верной. Равно как и: «Тебе просто смертельно надоел холод», или что-нибудь про подгоревшую утром картошку... Сошло бы за милую душу. Безупречные доказательства понимания...

— К чему это ты?

— А, — отмахнулся Олег. Помолчал немного и добавил без всякой, казалось, связи:

— Кстати, дорогая... Я тебе говорил, что нет такой буйды, которую невозможно выдумать, сидя за письменным столом? Не говорил? Ну, так теперь говорю.

А после обеда срыл куда-то, пришел /

... Пьяный, как сволочь, запрется в ванной.

— Олег! Не вздумай! Ты что там? Отопри! — давно попрятала все лезвия, все таблетки, вот только револьвер... («Анна! Это номерное оружие, не смей к нему прикасаться!») но он в шкафу... — Отопри! Мы же договорились, что ты не будешь запираяться. Олег!

— Да отвяжись ты! Все нормально...

И — бульк-бульк-бульк-бульк: ему просто надо допить бутылку. Допить и сунуть под ванну. И не звякнуть.

усталый. Тогда он еще не надирался, как сволочь. Придет, запрется в ванной...

— Я напишу эту книгу, Анна! Я напишу эту чертову книгу. Она уже сидит во мне целиком, вся. Только сядь и запиши...

А сидела в тебе твоя болезнь, книгой там и не пахло. Эти листки, месяцами торчавшие в машинке, оставаясь чистыми... Его вынешь — а он тут же в трубочку сворачивается.

— Я-я н-напишу эту книгу, Ан-н-а... Кстати — тебе известно, что ты... ТОЖЕ Анна? П-поче-му... ты ТОЖЕ... Ан-н-а? А?

И как только я могла терпеть все это?

Он был классным любовником, в этом все дело. Да, он был классным. Ну ничего. Сейчас оргазмы хоть и не те, но, блин, не отдают запахом чужого перегара. И — хватит об Олеге. Не дело — в день рождения.

Не дело в день рождения

Такое наваждение

Ля-ля.

Чего-то хочется, а кого — не знаю. Чего бы съесть? Сыру? Сыр есть... Высох, наверное... Сыр не хочу. Рябину хочу. Хочу черной рябины. Красивое слово: рябина. РЯБИНА. РЯ-БИИИНа.

Рябины нет. И утром ее нельзя — неизвестно, что потом желудок скажет.

Олег как-то купил кулек рябины и поднес с шутливым (шутливым?) стишком:

Папа со вздохом ставит три точки
Черненькой ягодкой потчует дочку.
В страшных мученьях дитя погибает.
Папа — писатель. Он жизнь изучает.

Хватит.

Тук-тук: синица прилетела поклевывать оконную замазку.

Опять:

Раз положила на карниз кусочек соленого сала.
Олег, увидев, спросил:

— Зачем это?

— Синицам. Пускай клюют, а то стучат по утрам в раму — спать невозможно.

— Умница. Добренькая ты у меня, горжусь. Парочка из этих милых птичек уже мертва. Мои поздравления.

— Да почему?

— А я вот скормлю тебе от большой любви мешок соли за раз, поймешь. Убери сейчас же.

Черт... Если так будет дальше продолжаться, можно заболеть на несколько дней. Только бы не вздумал открытку... поздравить... Едва ли.

Анна прыгнула с подоконника (зеркалу: «Ме-е!» — язык. «Красивая, красивая...»), заправила постель и — мимо ванной — на кухню. Зубы после: чистить до — глупость. *Еду* надо вычищать. Чай полезен для зубов, если без сахара. Вот сыр налипнет, и зубочистка не поможет. Непонятно: почему зубочистки такие толстые? Приходится расщеплять их ножом. Вчера обрезалась.

Ба! Нож с вечера на столе остался. Примета, кажется? Все равно непорядок. И тряпка комком —

сырость для тараканов. Чайник электрический? Нет, обычный лучше: электрический, случается, вышибает пробки.

Интересно: что подарят?

А чай все-таки с сахаром. Иначе бутерброд невкусный.

Ничего не подарят. Все знают мой максимум, но никто не знает минимум. Сама не знаю. В кафе сходить... В магазин — книжек пять-шесть прикупить себе... Как раз весь отпуск прибалдеть. Завтра отпуск — кайф.

Так... Пол первого. За почтой... Интересно: почему мы с Олегом так молились на почтовый ящик, на телефон? Олег говорил, что это сродни ожиданию чуда. «Чертовщинка. Должна произойти какая-нибудь чертовщинка...» Один раз такая «чертовщинка» произошла: когда Олегу прислал письмо его старый приятель. Пригласил встретиться. Олег вернулся тогда утром совершенно разбитый, но, кажется, довольный. Два месяца после этого не выходил из-за стола. Прекрасное ведь было времечко, хоть и не общались мы тогда почти... Поразительно, как он мог свое счастье сделать и моим... И наоборот. Любовь? Да, наверно. Всего лишь. Жаль — дискета с рассказом пропала. Жаль? Жаль. Он умел писать. «Галькин, ты красиво пишешь и у тебя сильные руки...» — какая-то шмара ему сказала. При мне не постеснялась. Кто же это был?

Мысли об Олеге уже не были болезненны (завтрак, что ли, отманивает кровь от мозгов к желудку). Но... Все равно — не самые лучшие мысли. «Что же я собиралась... А, за почтой. Галка, наверно, письмо прислала. Фотографии с той годовщины...»

Анна прошла в комнату, оделась (джинсы, свитер, накинула шарфик). Сняла с вешалки и пальто, но вспомнила, что еще не почистила зубы. Исправилась. А пальто решила не надевать — все равно с почтой возвращаться. Прогулка потом.

Включив на кухне радио погромче (как всегда перед

выходом) и захватив связку ключей, Анна затворила за собой дверь и вызвала лифт. Одна ходить по лестницам она боялась даже в своем подъезде.

... ..

11 ЧАСОВ 43 МИН. УТРА

Ну и тошнотворное занятие — описание этих дебильных телодвижений. А куда денешься? Дурдом, мать вашу... Точно — как трудотерапия в дурдоме: триста бумажных пакетиков склеил до обеда, поспал, двести после — общественно-полезный труд. Не зря живешь на свете, псих.

Внутренний монолог? Нет его вообще, а если и есть, то не ухватишь его средствами литературы, будь ты хоть сам Джейм Джойс с мистером Леопольдом Блумом и внутренними органами животных и птиц.

Вот у меня сейчас действительно внутренний монолог, большей частью нецензурный. Не в адрес Анны, нет... Наоборот — я вот пишу, а у меня перед глазами картина: она стоит и старательно подкрашивает перед зеркалом губы. Делает это с величайшей осторожностью, потому, что не умеет, и это неумение трогательно. Конечно, получается то, чего она боялась (это случалось всегда): каким-то образом она умудряется чиркнуть себе помадой по зубам. Теперь придется опаздывать, чистить зубы снова.

В течение двух с половиной лет я каждое утро наблюдал эту картину и теперь вспоминаю об этом с умилением. Ну, не дурак разве? Курам на смех, так бы себе морду и набил...

Объективное знание: никогда больше не увижу ее. И — странное дело — об этом думается совершенно спокойно. Я знаю, почему: дело в том, что человек спокойно чувствует себя даже в самой наидерьмовейшей ситуации, если она ему знакома и

имеется опыт определенного поведения. Таким манером Анна, разбежавшись со мной из-за моей пьянки и безумия, вполне могла выскочить за такого же точно пьяного маньяка, если бы успела. Ничего, прожила бы. Тем более, что не все маньяки книжки пишут, есть более приземленные. Ладно, теперь это разговор пустой. Не выскочит.

Ага, Наташа проснулась. Сейчас ругаться будет.

.....

За что мне на тебя ругаться? За Анну, что ли? Глупости какие... Можешь писать про нее все, что угодно: что она гений чистой красоты, что ты ее любишь, — мне даже спокойней. Значит, и про меня не будешь гадости плести. Анна, между прочим, действительно хорошая была. Только испуганная какая-то. Глупенькая.

.....

Ты сама-то как бы себя повела на ее месте, умная моя? Это не она глупенькая, а я гений. А Анна, ко всему, еще и принимала таблетки. Поэтому тоже. Да и я постарался.

.....

Да, уж ты постарался, это точно.

.....

Ты с чего соскочила?

.....

Пить хочу. Блин, спросонья пальцы в клавиши не попадают. Когда же ты допишешь эту книгу, и мы снова будет разговаривать, как люди...

.....

Это и от тебя зависит. А пока — молчок.

... ..

От меня в этом доме хоть что-то зависит! И чего я тебя слушаю, непонятно. Сейчас скажу что-нибудь.

... ..

Тебе что, помочь с мотивировками разобраться? Этого еще не хватало. Короче, не занимай машинку. Свободна. Чайничек поставь. И — молчок. Поросяенок, знаю.

... ..

«Здравствуй, Анна», прод.

Конверт оказался всего один. Подписан он был просто: Анне Ревель. Анна повертела его в руках, помяла... Не открытка, письмо. Почерк явно женский, но незнакомый. Может, кто-нибудь из бывших однокурсниц удосуужился? Вздор, кому я нужна... Загадка. Неприятная. «Де жа вю» к тому же. Ладно, разберемся.

Вернувшись в квартиру, Анна расположилась в большой комнате на диване, включила телевизор — «... ода на ближайшие сутки: по области минус три-пять... снег...» — и без особой охоты вскрыла конверт.

Здравствуйте, Анна.

Наконец собралась вам написать.

Наверно, надо было раньше, но Олег запрещал. Теперь понимаю, что зря его слушалась: как врачу мне это тем более непростительно.

Не о том всё. Даже не представилась. (А представляться боюсь, честно говоря: вдруг вы письмо скомкаете, если еще не скомкали?) Но назвать себе надо. Итак: зовут меня Олеся Корнева. Мое имя вам, несомненно, знакомо, хотя вряд ли многое говорит: едва ли Олег с охотой распространялся о нашей с ним...

Дружбе, что ли... И пишу я не только и не столько, как его юношеская подруга, а как лечащий врач. Так уж случилось, что он снова вошел в мою жизнь – теперь в качестве пациента. Был им немногим более месяца и сбежал, не долечившись. Но об этом потом, если захотите слушать. Сейчас важно другое: Олег оставил у меня кое-что, предназначенное вам. Среди прочего – три больших запечатанных конверта, которые я должна передать вам, во что бы то ни стало. Насколько знаю, дневники и какая-то рукопись. Впрочем, если вы позвоните и скажете, что следует это выбросить, я так и сделаю. Только позвоните обязательно, чтоб я знала, как мне действовать. Вот, собственно, и все мое к вам дело. Извините, что побеспокоила, мне самой все это не по душе, но... Странный все-таки человек Олег. У него какая-то необъяснимая способность вынуждать людей делать то, что ему нужно. Жаль, что я не обладаю таким даром. Мне бы он – ох, как пригодился!

Всего вам доброго, надеюсь на ваш звонок.

Вместо подписи был написан телефон и время, когда лучше звонить: после трех дня.

Анна аккуратно сложила письмо, бросила на журнальный столик и зажмурилась, сдавив пальцами переносицу. В голове было пусто, но эту пустоту стремительно заполняла мигрень.

Если сейчас выпить таблетку... Немедленно таблетку.

Дождавшись, когда схлынет первая волна боли, Анна отняла от лица руку /

На указательном пальце – выпавшая ресница. Загадать желание? Хочу сдохнуть.

/, поднялась с дивана и вышла в прихожую. Там она раскрыла сумочку и вынула упаковку баралгина. Сломив фольгу, вытянула две таблетки. На кухне /

Чайник еще горячий... Олег пропал... Сырой водой запивать противно... Кажется, сок еще остался...

/ открыла холодильник, достала пакет яблочного сока и, бросив таблетки в рот, запила их прямо из пакета. Сок киснет уже. Пакет — в ведро. Мусорка в час... Опоздала уже. В ведре рыбные потроха. Надо будет выбросить на улице — кошки съедят.

В комнате Анна включила музыкальный канал, взяла письмо и вновь перечла его, лежа на диване... Потом еще и еще раз. Нет, письмо не было наглым. Не было тыканий и намеков на претензии. Анна скомкала его, слегка замахнулась, намереваясь зашвырнуть его в угол, но передумала, развернула и еще раз пробежала глазами. Возникло странное ощущение, что /

это письмо написал Олег. Написал давным давно, ему было больно и одиноко. Он не знал, что хочет сказать, от чего хочет избавиться, что он чувствует. Быть может, ему было физически больно, быть может, он был пьян. Или...

/ это письмо получено давным давно, много раз уже перечитано и пережито — настолько оно знакомо — каждая строчка, настолько оно истрепано. Будто от старой подруги. Позвонить старой подруге «после трех дня»? Сегодня? Поговорить о дружке юности, пропавшем когда-то неизвестно куда...

Анна сложила листок вдвое, потом вчетверо и еще вдвое. Попыталась разорвать — не получилось. Развернула, порвала в клочки. Обрывки сунула в карман. И поняла, что поздно: телефонный номер уже плотно засел в голове — где-то по соседству с мигренью.

Анна легла и выругалась в потолок. Это не

освободило ее, как не приносят облегчения злые слезы, одинокое злое шатание по квартире или пьянка в обществе телевизора и фотоальбома. Опять захотелось сдохнуть, /

«Я люблю свой день рождения!»

/ но пришел только сон — незванный и неглубокий, отдающий химией таблеток.

... ..

Сон, хоть был недолгим и без сновидений, освежил ее и прогнал головную боль. Эта привычка — спать — появилась не так давно и была следствием другого пристрастия — к всевозможным транквилизаторам и снотворным, которые Анна сама себе «прописывала». Препараты менялись примерно раз в два-три месяца, чтобы не возникало привыкания к какому-то одному. Анна убеждала себя в том, что это более здоровый способ уходить на время от проблем, нежели объедаться, скажем, сладостями, и уж наверняка цивилизней, чем пить водку и курить, как это делал (делает?) Олег. Анна давно бы попробовала и наркотики, если б не самая недостойная человека боязнь — боязнь собственного подсознания.

«Транки» с некоторых пор перестали выражено действовать, и сон более-менее походил на здоровый, а спокойствие казалось обоснованным. Вот только поганый вкус во рту по утрам... Впрочем, ерунда. Фрукты или сок в холодильнике всегда есть. Одно еще плохо: резаться и обжигаться стала чаще. И в ванной засыпать. (Вдобавок недавно так сердце прихватило, что не вдохнуть, не пошевелиться. Еле дотянулась ногой до холодного крана; хлынула вода — полегчало.)

Да... И секс из-за /

отсутствия/

Олега?/

постоянного партнера/

/приема снотворных стал так себе, фигня. Ну, и фигня, что фигня.

Анна полежала минуту, резко поднялась (перед глазами закружились анемические «мушки») и пошла в ванную прополоскать рот. Свет оказался включенным — забыла.

Вычистив второй раз за день зубы, Анна закрыла воду, потянулась за полотенцем, но передумала и пустила душ, разделась и встала под горячие струи.

... ..

Маленькая комнатка вскоре наполнилась паром. Стало трудно дышать. Напомнило о себе и сердце — не болью, а тем ощущением, которое возникает в уставших, но не слишком перетруженных мышцах. Не став мылиться, Анна разбавила струю и еще минут пять, поглаживая тело ладонями, наблюдала, как покрасневшая было кожа медленно бледнеет. Правая ладонь, а, вернее, указательный палец, то и дело норовил скользнуть между ног и дотронуться до клитора, уже несколько минут желającego внимания. Анна была из того многочисленного отряда женщин, которые возбуждается сильнее в душе, нежели в обществе мужчины.

Анна поставила ногу на край ванны, запустила между ног пальчик, но случайно поймала свое отражение в запотевшем зеркале. Собственный силуэт с задранной ногой и суетящимися пальцами показался настолько отвратительным, что Анна убрала руку и выпрямилась.

Ей всегда казалось, что нет ничего противнее, чем вид возбужденной женщины. Эти полузакрытые, подернутые мылом глаза, налившиеся кровью губы, румянец, расслабленное, растекшееся по простыням тело... Олег всегда подшучивал над этим ее комплексом. Да и не только над этим.

Смех все его подвиды — будто ирония, насмешка или сарказм — постоянно теплились в нем и заставляли

лучиться его глаза. Но свет этот не согревал, как не греет жужжащий и чуть подрагивающий свет кварцевой лампы. Или как неоновая вывеска бара... Да, бара. Также много жизни и безжизненно. Как в кабаке, куда Олег захаживал «залить глаза». От этого глаза его разгорались ярче, но лицо тупо и безвольно обвисало. Сядься ужинать, он гремел стулом и матерился вполголоса. Ел много, но без аппетита и механически, словно делал физическое упражнение. А ночные ласки его становились развязнее и, в то же время, равнодушнее.

Спиртовая горелка — вот, что такое его душа: спиртовая горелка. Интересное открытие. Зачем оно?

Вода надоела. Надо вылезать.

Анна завернула кран, и в наступившей тишине услышала телефонный звонок. Поздравить, наверное, кто-нибудь... Все равно не успею добежать. Бог его знает, сколько он уже трезвонит. Кому надо — перезвонит.

Анна шагнула на пол и, наклонившись, отжала в ванну волосы. Телефон, между тем, неумолкал. Странно... Кого это так заело со мной поговорить?

Набросила халат и зашлепала в спальню. Взяла трубку: на секунду послышалась унылая городская какофония и еще один звук — будто кто-то быстро и неритмично стучал /

ножом по сковородке, разминая пищу. Или печатал на механической машинке.

/ костяшкой, требуя освободить таксофон. Потом — резкий щелчок и гудки.

— Твари... — выругалась Анна и бросила трубку. Аппаратат вновь зазвонил. Сняла — та же история: шум города, постукивание, щелчок, гудки. — Идиоты, мать вашу...

Анна положила трубку, подумала секунду и отключила аппарат вовсе. Потом вынула из тумбочки фен и села перед зеркалом сушиться. Вообще-то Анна не любила фен, считала, что он вредит ее и без того сушимся волосам. Но после душа опять клонило ко

сну, а улечься на подушку с мокрой головой значило совершенно испортить прическу.

Скоро волосы высохли. Анна спрятала фен на место, зашторила окно и легла на кровать. Сон долго не шел — выпалась. Чуть слышно, и оттого назойливее, бубнило радио, а встать и выключить было лень. Даже повернуться с левого бока на правый, несмотря на опять занывшее сердце, было лень. Наоборот, Анне вдруг захотелось, чтобы ее дернул инфаркт, которого она всю жизнь боялась и который, как она думала, все равно рано или поздно ей обеспечен (мама и бабушка обе умерли от этого, и у самой Анны всегда было неважное сердце; в школьные годы на каникулах из больничек не вылезала.)

Однако, желание — желанием, а рука дотянулась до тумбочки, выдвинула ящик и, достав аспирин, отправила таблетку в рот. Анна раскусила ее пополам, половинку проглотила, а другую выплюнула на ладонь и положила в карман халата. Целой таблетки многовато: испарина, слабость... И так всякого дерьма в крови, а сегодня еще выпить, быть может, придется. Было б с кем. А, и одной можно...

Никакой инфаркт, однако, Анну не дернул, тянущая боль, поселившаяся было в груди, отступила, цапнув напоследок Анну за левую руку. Аспирин добросовестно разжижал кровь и уже начал потихоньку выходить потом. Внезапно распахнулась форточка, ветер раздвинул шторы, и в комнату впорхнули снежинки. Некое время Анна наблюдала, как они гибнут на лету, не дотянув и до середины комнаты, но тут одна из них, словно мотылек, устремились к горевшему до сих пор ночнику, упала на раскаленную лампу, и та лопнула, заставив Анну вздрогнуть. Она спустила ноги с кровати, просеменила на цыпочках по влажному полу и осторожно, словно боясь прищемить /

какую-нибудь снежинку

/ пальцы, закрыла форточку на шпингалет. Постояла, прижавшись лбом к стеклу. Во дворе суетились

дети, пытаюсь скатать из тощего снега брюхо первой в этом году снежной бабы. На улице, должно быть, тепло. В магазин до перерыва...

Анна скинула халат, и, нащупав в одном из карманов обрывки письма, подумала, что совершила большую глупость (или не сделала одну умную вещь, что вернее) — не уничтожила письмо сразу, не читая. Тогда легко было бы убедить себя, что никакого письма не было. Приснилось. В смутном восприятии жизни, вызванном транквилизаторами, тоже есть свои плюсы. Учить на будущее.

А пока в магазин. Жаль, что в угловом нет моего шоколада. Вино там приличное, если не разобрали уже... Надеть куртку: дети начнут снежками пуляться, пальто жалко.

Анна оделась и, не застегивая куртку, вышла из дома.

13 ЧАСОВ 35 МИНУТ ЯНВАРЯ 2001 ГОДА

Ничего себе ты навалял без черновиков!

... ..

Палец болит — опять ноготь сорвал об эти клавиши долбаные... кормить будешь?

... ..

Садись да ешь, кто тебе не дает? Я пока почитаю.

... ..

Можешь и пощелкать, разрешаю. Мне уже все равно. Надоело эту херню описывать. Я диалоги люблю.

... ..

Ты будешь есть, в конце концов, или нет? Что ты ел сегодня? Отчитывайся по полной.

... ..

Не помню... А! Омлет и немного пюре. Кусочек рыбы.

... ..

Другими словами: два яйца, картофелину и кусочек дерьма, потому что эту рыбу пора было еще вчера выкинуть. Это я, дура, не доглядела. Быстро поешь суп!

... ..

Спасибо, все было очень жидко.

... ..

Не жиже, чем твои писульки. Шутка... Мне понравилось, но зянуто.

... ..

Порежем. Я надеюсь на свою лень. Просто не буду перегонять начисто все, что можно скомкать и выбросить.

... ..

Оставь, зачем выбрасывать. Пусть лежат.

... ..

Ну, да — пусть лежат и превращаются в дерьмо, как скумбрия.

... ..

Это была селедка. Я хочу трахаться.

... ..

Гм... Как насчет валерьянки?

... ..

Как насчет по сопатке? Я уже зачитала до дыр этот «космополитен». Да, если честно — тебе пора в душ. Весь прокурился насквозь, кошмар какой-то. Искупайся, а я пока проветрю везде.

... ..

Ладно. Сигары все равно кончились.

... ..

Я на хлебнице тебе зачанку оставила. Но только — чур! — не курить в большой комнате. Тогда развалился в кресле, надымил, мне из-за тебя всю ночь потом всякая

дребезня снилась. И так из-за твоей машинки каждую ночь поезда.

... ..

В одном абзаце два раза «из-за».

... ..

Иди отсюда.

... ..

Иду.

... ..

Искупался? Самому теперь приятно должно быть. Теперь читай мои претензии. Меня ругаешь за «из-за», а сам — «Анна, Анна»... Можно, кажется, кое-где написать «она», или, там, «та».

... ..

Во-первых, не претензии, а нарекания. Во-вторых, Анна — это Анна. Я — это я. Она — это она.

... ..

То есть?

... ..

То есть, слишком много всяких Оних в местоимении «она». Блажь, конечно, однако... И потом, разве я ни разу не заменил Анну на нейтральное «она»?

... ..

Кое-где.

... ..

Ну, вот видишь! Ты просила «кое-где», я и заменил «кое-где».

... ..

А что для тебя Она? Вот ты думаешь или пишешь это слово... Кого ты видишь, о ком думаешь?

... ..

Теперь предлагаешь составить список писочек? Интересно, попробую. И так...

Во-первых, чтоб отвязаться, она — это мама. Потом, она — это та, которую не помню, но я любил ее, когда мне

было пять. Она — это веточка, которую я посадил, когда мне было шесть. Она — это булка, которую я, неизвестно зачем, украл, и продавщица, которая это заметила (мне было семь). Она — боль, которая пришла как-то ночью и воткнула раскаленный лом мне в солнечное сплетение. Тогда мне было восемь или девять. Она — это весна. Она — это осень. Она — это радость весне или осени, потому, что весной и осенью происходили самые радостные события в моей жизни. Именно поэтому мне лучше всего работается осенью или весной. Она — это грусть, усталость, ненависть и депрессия, которые непременно навещают меня весной или осенью вместе с болью, потому что весной и осенью происходили самые отвратительные вещи в моей жизни. Именно поэтому я стараюсь укрыться в работе. Но кончается тем, что я загоняю себя до изнеможения и... Ну, ты знаешь, Наташа. Вот я и заткнулся... Она — это дружба и любовь. Она — это глупость. Она — это музыка. Она — это река. Она — это беседка на знакомом тебе дворе. Она — это Ласточка. Она — это Черепаха Маха. Она — это дача и дачная кошка Зелёнка. Она — это печка на этой даче. Она — это

... ..

Олег курит и опять стряхивает пепел в цветочный горшок. Что за привычка больничная...

... ..

Без комментариев.

Она — это чашка с отбитой ручкой, в которую Ласточка сплевывала кровь, после того, как, неловко споткнувшись, упала и прокусила язык. Она — это родинка в форме семечки груши на ее горле. Она — это проволоочная петля, которой удавили это самое горло. Она — это ее соседка Наташка, которая мне об этом рассказала. Она — это водка. Она — это немота. Она — это смерть с шикарной русой косой, которая однажды наклонилась надо мной, заслонив на миг свет

хирургических рефлекторов. Или это была не смерть? Она — это жизнь после смерти, неважно, своей или чужой. Она — это банальность, которой можно придать любую форму и налепить на нее, словно на каркас, любую мысль: любая мудрость, так охотно сияющая своей алебастровой белизной в свете вашей настольной лампы, имеет основой медяшный каркас банальности, пусть и святой банальности. Она — это книга, которой не будет никогда. Она — это та многоликая, кочующая из романа в роман, из сонета в сонет, из романса в романс, из стихотворения в... и так далее. Она — это белая страница. Она — это пишущая машинка, Она — страница, изъезженная кареткой и изорванная многоточиями. Она — это бритва. Она — это Наташа Невельская. Она — это ее рука, делающая мне инъекцию покоя. Она — это ее рука, лежащая на моем плече сейчас. Она — это библия, изорванная на самокрутки. Она — это кровь. Она — это свобода. Она — это душа. Она — это книга, которой не будет, которой нет, которой не было. Она — это книга, которая не нужна. Оттащи меня, пожалуйста, хоть за уши от этой чертовой машинки, а то я никогда не остановлюсь.

... ..

А где же Анна Ревель?

... ..

А что, разве я нигде не написал?

... ..

Сам посмотри — какой угодно вздор, но про Анну — ни полслова.

... ..

Черт с ней.

... ..

Грубишь. И еще — не слишком ли часто ты говоришь «никогда»?

... ..

Милая моя! Любое объективное знание начинается со слова «никогда». В этом вся суть твердого знания.

... ..

Вэтомвся сутьвоей больнои и вязкой, лицедейской души.

... ..

Вот спасибо.

... ..

Но ведь ты брехун. Ты слишком искренен, чтобы тебе верить.

... ..

По-французски это звучит изящнее. Ведь это Маруа, если не ошибаюсь?

... ..

Моруа, а не Маруа. Я пошла в магазин. Что взять?

... ..

А то не знаешь? Как обычно. Ко всему купи зеленого чая. Мороженого бы... Да ведь ты, чахоточная, тоже позавидуешь. Кстати! Не болтайся долго. Ты покашливаешь, не забыла? Отстань. Ну, конечно... А вот и не хочу. Не хочу — я онемел. Отстань, тебе говорят! Дура, сама дура.

... ..

Вернусь через полчаса. И чтобы не больше десяти строк без меня!

Хочу поурчать у тебя над ухом, когда ты будешь работать.

... ..

Наташка ушла, а я хочу спать. Голову сдавило, черт знает, что такое. Всегда, когда пересажу за машинкой, возникает странное ощущение вакуума, со временем странные штуки происходят. И еще как будто кому-то мешаю, не даю расслабиться, отдохнуть или, наоборот, заняться чем-то необходимым. Будто я занимаю чужое место, чужое время, доставляю неудобство. Как заноза.

Так пусть время бежит, как ему хочется, а земля вращается, как угодно. Я — спать.

Последняя мысль засыпающего: Земля — это

неумело раскрашенный волчок-самоделка в руках впавшего в игривое детство Бога. Но меня с тошнит от вращения этого волчка.

... ..

«От вращения»... Читай «отвращения». Ты это хотел сказать, Олег? Почему ты можешь писать или красиво (чертовски красиво!), или безобразно? Скажи мне... Даже когда ты попал ко мне в руки — ну почему этого не случилось раньше! Хотя — что это я, дура... не в клинику, конечно. Я имела в виду: ко мне, как **ко мне**, а не как к доктору. Ты говоришь, что искал меня четыре года. Меня ли? (будешь ругаться за превращения местоимения в глагол «меняли», да?) Наверное, ты искал не Наташу Невельскую, двадцати шести лет, докторшу и проч. и проч., а соседку Аньки, очкастую зубрилку Наташку, шестнадцатилетнюю лапшу в желтых вельветовых джинсах, заштопанных на коленке. Искал свое прошлое, хотел освежить страдания, дать им качественно новый оттенок. Хотел сделать из меня фетиш, заставить играть роль необходимого для твоих ритуалов атрибута, вроде кадила, алтаря или дароносицы. Анна Ревель не смогла заменить тебе Анну Швальбе («шваль», «швабра», как дразнили ее в школе). Я должна была стать твоей последней надеждой. Кошмар... Слава богу, этого не случилось. Или случилось? Во всяком случае, ничего такого, чего я не хотела сама. Даже при условии, что много **Ты** заставил меня хотеть. Я не могу быть Аней. Я могу быть только Наташкой. Но зато я гибкая, могу меняться, оставаясь при этом собой. Люблю менять наряды. Наверное, я тоже лицедейка. Иначе, впрочем, и быть не могло. Психолог должен быть лицедеем. А я неплохой психолог именно поэтому, что не слишком умна и лицедейка. Но ты все-таки психолог получше меня. Во-первых, потому, что сам псих. Во-вторых, ты выдумал столько людей, что разобраться в настоящих людишках не составляет для тебя никакого труда. И, наконец, в-третьих, ты талантлив, черт тебя возьми. (Почему, кстати, ты любишь, когда я ругаюсь, а?)

Знаешь, за что я тебя люблю? Молодой ты. Ты навсегда застрял в благословенном двадцатипятилетнем возрасте образца 1812 года. Тебе было столько, когда по паспорту было шестнадцать, и сейчас, когда ты немного старше выбранных тобой двадцати пяти... Вот только старить себя почему-то пытаешься. Зачем? Укоренившаяся привычка? Что ж, я легко могу представить, как ты, тринадцатилетний, стоишь перед зеркалом и подкрашиваешь маминой тушью свои еле-еле пробивающиеся усики... Или стягиваешь кожу на лбу, чтобы ускорить появление морщин... Или, морщаась, режешь и режешь свое тело, чтобы остались шрамы. Прости, я знаю, что это не так. Ты просто вынужден был постареть, минуя взрослость. Вынужден был научиться болеть, научился даже в какой-то степени получать от этого удовольствие, болезнь вошла в обмен веществ — иначе бы ты погиб и погиб предателем... Но — не ломай старика. Тебе не удалось стать им. Ты скачком из семнадцатилетнего превратился в молодого человека, так и будь им, черт возьми! Ты бываешь просто очарователен, когда слегка пьян шампанским, ничего не боишься, и не думаешь об этой проклятой книге. Пожалей меня! Я не привыкла так жить. Напиши эту книгу, и... Сама не знаю, что. Понимаю, что боишься ее заканчивать. Тебе кажется, что когда это произойдет, ты лишишься... Не смысла жизни, нет... лишишься покровительства. Эта книга для тебя — своего рода охранная грамота. У тебя есть болезненная уверенность, что, пока ты ее пишешь, с тобой ничего не может случиться, ты неуязвим. Как знать, может, и так. Но стоит ли мучиться всю жизнь? Напиши ты ее, в конце концов. И я буду любить тебя. Все у нас будет хорошо. Я обещаю. Ну, прочитал? Пиши теперь дальше свою Л.

Знаешь, ты так спишь забавно! Почему-то хочется как-нибудь шуточно, с подковыркой, по-детски, разбудить тебя. Но страшно — еще как дашь по уху!

Какая же я дурочка! Такую ерунду наколбасила!
Это я с тобой поглупела. Ты виноват.

Черт, раствор для линз менять пора...

... ..

В одном ты точно права — в том, что необходима. Все просто: трусоват я для этой книги. Ведь писанье — одна из форм исповеди и не я эту истину придумал, у нее уж штаны на заднице лоснятся. Но исповедоваться я-таки боюсь. Выдумывать — сколько угодно. Писать про других — почешусь, подумаю, да и напишу, пожалуй. А вот исповедоваться — страшновато. И не того я опасуюсь, что узнают обо мне что-то стыдное. Те, кому до меня есть дело, и так знают предостаточно, в курсе и того, что было, и, тем более, того, чего не было. Те же, кому на меня наплевать, будут благополучно плевать и дальше. Этого, кстати говоря, я и опасуюсь. Понятно теперь? Я не из тех, кто боится, что ему откажут в отпущении грехов. Я из тех, кто боится разочаровывать своего исповедника, показаться ему неинтересным. Боится, что ему не поверят. Всегда брезгливо ненавидел тех, кто лез ко мне со своими жизнями, но в то же время и завидовал их безбоязненности. А ведь я почти никогда не соблюдал тайну исповеди, даже когда меня просили об этом. Так и говорил: «Я всем расскажу!». Правда, говорил с улыбкой, и болтун, как правило, думал, что это я так, — шуткою. Впрочем, о женских секретах особенно не распространялся. Вообще, о своих бабах говорю всегда неохотно. Анна вечно лезла с расспросами, хотела, чтобы я рассказал, сколько их у меня было, да про всех вместе, да про каждую в отдельности... Представляешь, погань какая? Лежим ночью в койке, она пристроится у меня на плече и начинает свою волюнку: расскажи про ту, а про эту, а про первую-последнюю... Она, видимо, таким образом самоутверждалась: вон, дескать, их сколько, хороших и разных, было, а предпочел-то — меня... Приходилось врать, врать обильно; и даже между врачами ненароком проскакивала правда (иногда, особенно после траха, трудно придумать яркую небылицу). Клянусь вот хоть своим пиджаком: гнуснее этого представить нельзя, когда баба просит отчитаться о своих предшественницах,

да еще и балдеет от этих рассказов, будто ее кормят мороженым. Черт, я, кажется, становлюсь злым. Наверное, дурно спал. Да! Мне приснился странный сон: стою на колокольне и стараюсь зазвонить в огромный колокол, но колокол отвечает тупым пластмассовым стуком. Следом оказываюсь на мосту. Мост огромен, но не над рекой, а над маленьким таким ручейком. Ерунда, короче.

Ты у нас толкователь, скажи, что бы это значило, а?

... ..

Погоди. Я не поняла, зачем же все-таки я тебе нужна-то? А?

... ..

Пардон, меня действительно несколько увело. Однако неужели сама не можешь догадаться? Гримаса понятна. Ладно.

Как уже было сказано, я слегка трусоват. Поэтому всё, что ты изволишь писать обо мне, весьма кстати, разуж я сам не могу. Еще — ты задаешь мне вопросы, которые зачастую раздражают, а в таком состоянии я бываю несколько разговорчивее. И наконец третье, историю, которую мы с тобой пытаемся облечь в печатное слово, ты со своей стороны знаешь весьма неплохо. Об этом я тебе уже как-то говорил, кажется. Разве нет?

... ..

Подозрительно витиевато пишешь. Ты что — выпил?

... ..

Когда б я успел, дура?

... ..

Однако — успел.

... ..

Уверяю тебя, ты ошибаешься.

... ..

Хорошо, с этим ясно. Можешь продолжать. Мне сдается, что своим появлением я прервала пароксизмы

творчества.

... ..

Скорее миазмы и тенезмы. Ладно, продолжаю. Ты меня действительно прервала. Приготовься к глотку желчи, твоя писюлька слегка разозлила и озадачила меня. Что во мне, а тем более — в тебе, лицедейского? Я такой, какой есть: вполне искренний, вполне скрытный, довольно умный, но не слишком образованный, тонко чувствующий, но не сентиментальный... Могу наврать, но только в ответ на вопрос, который задают некстати и не те, с кем мне охота откровенничать. Не задавай вопросов — не услышишь лжи, как говорят англичане. Ложь, между прочим, еще и тем хороша, что ее средствами легко аннигилируется правда, которая выскочила ненароком — по пьянке, например. Или просто под настроение, но не тому человеку высказанная. Да... Лицедействую я только когда в хорошем расположении духа и чувствую себя в особенном ударе: ухаживаю за женщиной или впечатление хочу оставить выгодное (хорошее или плохое, в зависимости от желания и обстоятельств). Короче говоря: прикидываюсь, но не более, чем любой другой гражданин. Получается у меня, быть может, неплохо. Мне самому кажется — средне. Риэлторский уровень. Тебе, конечно, досталось в последнее время — пришлось поиграть. Однако, все уже позади, не так ли? Поэтому — не выдрючивайся. Мы интересны ровно на столько, насколько интересны.

Что меня еще взбесило: откуда, из каких закоулков своей задницы ты извлекла этот «благословенный двадцатипятилетний возраст», да еще «образца 1812 года»? Сдурела ты что ли? С кем ты, по твоему мнению, живешь? Откуда у тебя в голове такое романсовое семиструнное бречание? «И в подарок от меня манто вам, и стихи поэта Лермонтова...» Меня чуть не вытошнило. Или тебя вдохновило то, что я когда-то занимался фехтованием? Так ведь не историческим, слава богу, а вполне спортивным. И шрамики на моей шкуре имеют вполне современное происхождение.

Правда, на моей генеалогической пролетарской березе свито одно маленькое дворянско-дворницкое гнездышко, однако для понтов это неуважительная причина. Тем более — для твоих понтов. Может, твоя бабушка согрешила с портовым водолазом блакитных кровей. Не смею спорить, твой польско-украинский хвост сам черт не расчешет. Не смею спорить. Но я не образец золотой молодежи образца 12-того года, шаркать и рыгать по-салонному не умею-с. Вот блевануть вискарем — по-салунному — могу-с. Пришпиливать к моему пинжаку эполеты англицой булавкой? За такие штуки можно получить по левой стороне лица правой рукой. Я обычный полупьяный сантехник человеческих душ. В чужих душах ковыряюсь за жалкие пол-литра, а своей как протекал, так и протекаю.

И ничего я не вынужден был повзрослеть каким-то неординарным способом, что за галлюцинации? Когда все произошло, я по недоразвитости душевной почти не отреагировал. То есть — меня хлопнуло, конечно, по макушке, но страданий я не испытывал. Должна помнить: я спокойно выуживал у тебя подробности, лихо курил, корча из себя скорбящего мужика, который уже много испытал и не опустится до истерики. Ушел, сказав что-то мужественно-правильное... Натурально, я запил после этого на неделю-другую, но скорее потому, что пить в таких случаях полагается; я это делал, так сказать, машинально, играл. Тогда я напоминал Грушницкого и Печерина в одном флаконе. Но кое-что со мной происходило против моего желания, вне имиджа страдальца. В смысле — не искусственно. Например, я стал очень молчалив, если не сказать: онемел. Когда я начинал волноваться, что случалось все чаще, — заикался. Это мне даже нравилось. Бросил учебу — уж не помню теперь, действительно вся эта херня казалась смешной и несообразной с моим тогдашним состоянием, или по роли требовалось забивать на все и вся... Не помню. Наверное, и то, и другое. Но покончить с собой не пытался, даже мысли не возникало. Проезжая мимо Ласточкиного

дома, проходя нашими любимыми местами — мило грустил, не более. Сочинял, именно СОЧИНЯЛ, дневник. Пил водку в беседке. С удовольствием предавался воспоминаниям...

Ты врубаешься? Я БАЛДЕЛ от всего этого, я был РАД, что со мной приключилась такая замечательная, достойная романа история — потеря, трагическая потеря дорогого, любимого существа. Я н а ч а л п и с а т ь к н и г у! Смаковал свое состояние, насыщался, д о б а в л я л н о в ы х п о д р о б н о с т е й. Все для книги, все для нее. Она важнее. Спасибо тебе, Анна Швальбе, спасибо, родная! Это чудесный подарок.

Ну! Прочитала? Пиши!

... ..

Что писать... Потом что?

... ..

«Потом», спрашиваешь...Как — что потом? Потом я действительно попробовал. Решил: пора, протрезвел, взял бумагу, сел за стол...Тут-то меня и нахлобучило.

... ..

То есть, момент полного осознания происшедшего пришелся на момент начала работы над книгой? Это спровоцировало болезнь?

... ..

Да какую болезнь, о чем ты... Сначала я просто не мог начать. Воспоминаний оказалось так много, и они были так свежи и яркие, что, собственно, еще и не являлись воспоминаниями, не выдохлись, не умылись от эмоциональной боевой раскраски. Я никак не мог выделить главное. Пользуясь затасканными формулами, я «плавал в океане памяти». Но вскоре заплыл слишком далеко и берег окончательно скрылся из глаз. Я уже не знал, как вернуться. Плаванье превратилось в беспомощное барахтанье. Мне стало страшно. Вдобавок выяснилось, что океан этот полон всякой агрессивной живностью, которая не прочь поживиться.

... ..

Ну, и это что значит?

... ..

Это значит, что мой мозг стал подвергаться опасности быть съеденным. Акулы, чайки, альбатросы, — кошмары, глюки, мысли о самоубийстве. Конечно, все было не так реально и ощутимо. Это сейчас я наклепал фразу за фразой: «океан... хищники...», — власть абзаца. Но все равно я был тогда напуган своим бессилием. Впервые в застольной работе от меня зависело так мало... Да ничего не зависело, по сути. Я все знал, все чувствовал, но не мог написать даже одной страницы. Ни одна форма не удовлетворяла меня, ни одно имя, ни один ритм. Я не мог писать ни от руки, ни на машинке, ни карандашом, ни ручкой, ни чернилами, ни на линованной бумаге, ни на клетчатой, ни на простой белой, ни на желтоватой... О, эти жалкие уловки! Впрочем, уловки эти обычно срабатывают.

Я пытался убедить себя писать, как пишется, дескать, аппетит приходи во время еды. Но выходило, что если садишься за стол с переполненным брюхом, то аппетита ждать не приходится, только облюешься от обжорства, вот и вся песня. Не, чересчур натянуто. Вернее будет высказаться в серпуозно-молоточном стиле: не хочешь срать — не мучай жопу.

... ..

Выражайся яснее — это несложно, когда знаешь с кем конкретно идет диалог. В данном случае ты не пишешь книгу, а всего лишь беседуешь со мной. Ведь так? А я не могу по полчаса сидеть рядом и ждать, когда ты продолжишь строчку.

... ..

Ты, сама того не подозревая, затронула очень важную тему — тему адресата, аудитории. Об этом потом. А сейчас продолжу строчку.

Наверное, моя главная проблема (помимо трусости) заключается в том, что я откровенно плюю на творчество, да и не тянет меня к нему по-

настоящему. Никакого обязательства перед своим якобы существующим талантом я не испытываю. Людей принимаю такими, какие они есть, и желания их улучшить, научить смыслу жизни, напичкать их своими догматами, парадоксами и прочим хламом у меня нет вовсе... К слову я отношусь неуважительно, если не сказать: презрительно. Мое отношение к нему грубо утилитарное; щелкнул выключателем — свет гори, щелкну камнем по ореху — ядрышко в рот, сказал-написал — высек эмоцию, создал или передал уже существующую информацию... Занятие это я ненавижу, как курение, оседающее дегтем в тяжелеющих с годами легких. Никогда не пойму, почему Л. относилась к писанине (а через это — и ко мне) с таким благоговением: она считала, что возможности слова безграничны — и, пожалуй, была права. Вот только возможности эти понимала исключительно в положительном ключе, а я кладу на эти возможности, не соотнося их ни с добром, ни со злом, да... Они безграничны, потому что сам человек ограничен. Но Ласточка рисовала, писала замечательные стихи, она любила меня. Того короткого времени, пока мое отношение к Ласточке состояло из одной только нежности, времени, в течение которого моя душа находилась в ее теплых руках, времени нашей обоюдной восторженной беспомощности перед миром и попыток ухватить его, посадить в позолоченную клетку слов, стихов, рисунков, — этого времени хватило на то, чтобы я научился писать.

Помню, как мы сидели вечером перед окном печи, я играл с кошкой, а Ласточка пыталась нарисовать огонь. Но вдруг скомкала листок и швырнула его в топку. Я спросил, в чем дело. Спросил сердито, потому что Ласточкиного движение испугало кошку и та, прыгивая с колен, глубоко оцарапала мне ногу (теперь ты знаешь, откуда шрам).

— Этот огонь... его невозможно нарисовать, он постоянно меняется. Так часто, что перестает существовать. Он с каждым мигом другой, поэтому

никакой. Но... — она запуталась, расстроилась еще больше. — Рисунок похож, но... Такая ерунда! У меня не получается! Я не умею, Олег! Я ничего не умею! Вот ты — ты сможешь его описать, а я не смогу.

Я пропустил всю эту чепуху мимо ушей, занялся царапиной. Лишь много позже до меня дошло, что тогда хотела сказать Ласточка.

Огонь — это не явление. Это понятие. Такое, как любовь, время, жизнь, смерть... а понятия вне описаний, вне красок, вне каменных искусственных изображений, их не способно отразить ни одно зеркало. Даже исказить. Но и слово — тюрьма. Понятие может жить только в бесцветном молчании — молчании Бога, не человека. Примерно вот так...

... ..

Но почему ты все-таки начал говорить? Если я правильно поняла, это тебе неприятно, талант тебе не указчик, хоть ты и признаешь факт его наличия; с людьми ты ничем поделиться не хочешь, что говорит если не о равнодушии, то о некотором безразличии... но ведь ты почему-то ковыряешься. Почему? Как для себя это объясняешь?

... ..

Знаешь, о чем я сейчас подумал? О том, что если бы Экзюпери действительно познакомился с Маленьким принцем и пережил затем его смерть от укуса змеи (ведь, что ни говори, Маленький принц не вознесся по библейски, а именно умер), то хер бы он написал свою книжку. Не помогли бы пятьсот миллионов бубенцов, скрипучих колодцев... Он бы думал не о том, что барашек убежал, а о том, что он издох от голода, роза засохла, планету разорвали на части баобабы, а вулканы на ней потухли еще раньше. О том, что Маленький принц сгнил, не увидев в этой жизни ничего, кроме придурков, алкаша и туповатого летчика с его раздолбанным аэропланом. Экзюпери ни за что не написал бы книгу, если б его встреча с Маленьким принцем была реальной. Хотя...

Ведь в описываемое время он уже БЫЛ писателем, а не СТАЛ им, благодаря этой встрече.

... ..

А ты? Ты стал писателем благодаря Ласточке? Так?

... ..

Сложно сказать... Вернее, сказать просто, сложно сделать это красиво. Скажу так: писать начал еще до знакомства с Л., но делал это примерно с таким же удовольствием, как занимался мастурбацией — приятно, но несерьезно. И слегка неприлично. Нечто такое, в чем совестно признаться в светском обществе. Нетрудно заключить, что литератором я себя не считал. Как, впрочем, и сейчас не считаю. То, чем я занимаюсь, всего лишь терапия, самолечение. И самооправдание. Не могу допустить, чтобы то, что случилось, оказалось напрасным — вот и все.

Да, это Л. заставила меня взглянуть на писанину (как и на многое другое) по иному и вновь. **Она** познакомила меня с моим талантом и сделала все, чтобы мы понравились друг другу, сдружились. Но фишка в том, что я не успел воспользоваться этой дружбой. Ласточка ушла и все стало неважным. Я обязан рассказать сначала об этом, чтобы заработать право на собственное существование. Но пока не удалось. Правда, у меня масса времени: я неуязвим, пока пишу, тут ты совершенно права. Однако неуязвимость не спасает меня от язв. Я умею переносить боль, но не умею переносить ее на другого. Самое несмешное — я вызываю ее зачастую — помимо собственной воли. Наверное, это совесть.

... ..

Твоя совесть такая же больная, как ты сам. Не вздумай обижаться, это твои собственные слова. Выходит, я была права, когда сказала, что работа над Л. дарует тебе ощущение неуязвимости.

... ..

«Дарует» — дурацкое слово. Никто мне ничего не дарует. Отнимает. Но неуязвимость — это факт.

Я настолько привык к ней, что практически ничего не боюсь. (Правда, боюсь машин и ножей, даже в собственной руке ножа опасаясь. Но этот страх не пустой. Этот страх — предупреждение, предсказание судьбы. Я совершенно уверен, что в конце концов меня или прирежут, или соьбют автомобилем.) Ты вольна считать мое бесстрашие искусственным, но оно мне помогает. Благодаря ему я не отвлекаюсь на мелочи. Когда у нас в городе было землетрясение — помнишь? — все высыпали на улицу, жгли всю ночь костры, тряслись от страха и холода, а я в это время спокойно сидел и работал. Мне было удивительно хорошо в ту ночь. Помню: я вышел покурить на лестницу и познакомился с чудесной кошкой. Пригласил ее в гости. Она долго не желала соглашаться — не одобряла моего курения. Потом мне удалось завоевать ее расположение, и мы провели замечательный вечер, один из лучших в моей жизни. Я писал, кошка сидела под лампой и я чувствовал себя Куприным или Булгаковым, отчего «с легкостью находил простые и верные слова».

Жаль, что все сгорело. Впрочем, при известном усилии можно восстановить. Только к чему?

... ..

Я поняла, почему ты который год не можешь закончить книгу: ты попросту не умеешь писать правду. Ты — выдумщик. Прирожденный сказочник. И в тебе слишком много добра для правдивой книги. Реальность и любовь, правда и добро находятся в постоянном конфликте. Для них не подходит твой язык.

... ..

Все, что я написал — правда.

... ..

Тогда я ничего не понимаю.

... ..

Этого от тебя и не требуется. Пойду отравлюсь.

Я сейчас курил, размышлял и пришел к выводу, что

ты, пожалуй, права: я действительно выдумщик. Цвета, которыми я пишу, нереальны. Но лжи, тем не менее, я избегаю. Человек, лишенный воображения, человек неопытный, человек разумный просто не обратят внимания на цветовые нюансы. А человек-собака увидит то, то нужно: черно-белую графику, которая скрывается под безумными красками. Поэтому-то я всю жизнь и люблю кошек. Вообще, я не хочу, чтобы эту книжку читали. Тот, кто прочтет ее, станет мне отвратителен, моим личным врагом.

Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал правду, которую я все же мало помалу рассказываю — тебе спасибо (и Ревель — отчасти). Будь моя власть, я бы убил всех, кто знает или может узнать ее. Таких людей, слава богу, пока не много: человек семь-восемь. Ну, если считать и меня, то человек двадцать. Но я не могу нас всех убить. Зато в моих силах засрать всем мозги. Нет, честное слово, я и сам не понимаю, что несу, каковы мои мотивировки... И плевал я на это.

... ..

Послушай, Олег, ты не устал? Тебе вредно сейчас пересиживать. Не криви морду, я серьезно. Только неделю или две назад при одном упоминании о книге, при одном виде бумаги у тебя начинала дергаться щека, не забыл? А полтора месяца тому ты не мог выдержать даже получасовой беседы. Прости... Может быть, и не стоило — так рано начинать? Это не вопрос, чего уж теперь... Просто, чувствуешь, что устал и начинаешь злиться — бросай. Ладно?

... ..

Да ладно, ладно... Собственно, я не устал.

... ..

Тогда немного смени направление. Расскажи мне, например, про ваш с Л. первый день. Слышала об этом и от тебя, и от нее, но никогда не читала. А я уже убедилась, что это не одно и то же.

... ..

Да пожалуйста, мне не трудно, ничего особенного. Сейчас, только подложку сменю, а то отвлекает... Да, кстати, для господ писателей (если таковые найдутся среди тех, кто это прочтет). Рекомендую на листе, которые выполняет функцию подложки между валиком машинки и тем листом, на котором шлепаете свой гениальный текст, писать план, с тем, чтобы во время работы он постоянно был у вас перед глазами. Это удобно еще и потому, что лист, как известно, с каждой новой строкой, перемещается между валиками, и уже отработанные пункты плана исчезают из поля зрения, уступая место нужным. (Естественно, нужно располагать пункты по номерам не сверху вниз, а наоборот — снизу.) Очень удобно, клянусь окурком. Надутых обладателей компьютеров просьба не беспокоиться.

А познакомились мы очень просто — я всего лишь помог донести до дома сумку. Вот и все.

... ..

Это понятно. Я это знала.

... ..

А каких тебе еще требуется подробностей? Ведь они не важны, ничего не прибавляют к факту. Ну, да, я ехал в автобусе, меня, как всегда, подташнивало. Рядом стояла девушка, ее лицо скрывали от меня средней длины русые волосы. Я потянулся, открыл форточку. Струя воздуха ворвалась в салон, зашевелила занавески, слегка коснулась ее волос... Сначала я увидел профиль: чуть вздернутый нос, добрый подбородок с ямочкой, шрамик на виске... Потом она повернулась ко мне — вероятно, почувствовала мой взгляд. Нет, уже вру. Не могла почувствовать мой взгляд, он был мимолетным, недолгим: просто она повернула ко мне лицо и я увидел ее глаза. Всё. Я умер.

Прошли несколько секунд, в течение которых я испытал сначала непонятную панику, сильнейшую панику, а вслед за этим — покой. (В одном из ранних рассказов я написал: «блаженство и успокоение нашего», но

эта фраза стояла в описании сна. Когда мне снится Л., я действительно переживаю то самое. Но наяву это был просто покой, без какого-то блаженства и прочих сильных эмоций.)

Хочется соврать, что она сказала что-то особенное, но за все эти годы так и не удалось придумать интересного вранья.

Она сказала:

— Спасибо. Я сама пыталась открыть ее, но у меня руки слабые.

Да, левой она держалась за поручень — рука стала совсем бледной из-за оттока крови. В правой была тяжелая на вид «старушечья» сумка.

— Не за что, — слова вылетели грубовато, с усталым вздохом. Мне это не понравилось, **заставил** себя улыбнуться — не забывай, что меня слегка тошнило — и предложил:

— Позвольте я подержу вашу сумку — она выглядит тяжелой.

В то время я любил говорить девушкам «вы», они, как правило, начинали так мило жеманиться. Она сказала:

— Да, да... — почему-то рассмеялась, наверное, ее все-таки позабавило и мое обращение и свое «да-да-да». — Спасибо. Я почти доехала.

В течение еще нескольких минут мы ехали молча. Она поставила сумку на пол, чтобы избавить меня от необходимости настаивать. Я украдкой поглядывал на девушку и всякий раз убеждался, что мое внимание она заметила и немного рисовалась, «работала»: выпрямила спину, подставляла лицо ветру таким образом, чтобы беспорядок, который тот наводил в ее прическе, был наиболее «художественный», улыбалась в ответ солнечным отблескам, которые достаточно бесцеремонно жахали по глазам с витрин, автомобильных зеркал и с поверхности чистых луж, еще не успевших подернуться летней гниловатой зеленью. Был самый конец удивительно теплого апреля.

Я не знал, что делать. Понимал, что так это оставить нельзя, нужно найти способ продолжить знакомство. То есть – совершить знакомство. Сказать что-то... Но я не знал, как это делается, да и сейчас не знаю. Мне стало грустно при мысли о том, что наша встреча так и останется пустой, ничего не значащей автобусной переглядкой. Тем временем пришла пора выходить. Я подождал, пока дошипят двери, спрыгнул на землю, оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на незнакомку в контрольном свете и оказалось, что она выходит на той же остановке, следом за мной. Опять хочется соврать, но это не я, а она первая подала мне руку: маленькую и, как я успел заметить, с поцарапанными костяшками и нечистыми ногтями. (Помню, я сообразил, что она, вероятно, ехала с дачи, где пришлось покопаться в земле.)

Я помог незнакомке сойти с подножки и нехотя отпустил ее ладонь. Девушка улыбнулась, медленно и смешно моргнула одним глазом (как позднее выяснилось, кокетство здесь не при чем – такое свойство. Вот и всё. Это ее одноглазое подмаргивание потом всегда забавляло и трогало меня, но «на заказ» у нее никогда не получалось), слегка склонила голову вправо и посмотрела на меня одним из своих загадочных взглядов, до сих пор не понятных мне. Такое ощущение, что на тебя смотрит человек, у которого вот-вот вылетит душа (не верю я в чушь про всякое такое, но точнее выразить свою мысль не смогу). Нет, я неправильно написал. Не «вылетит» душа, а просто смотрит душа, как из тюрьмы. Не человек смотрит, а душа из него смотрит.

Надо же, умудрился-таки соврать.

Не обратил я в тот момент внимания на все эти нюансы, не разобрал никаких полутонов: просто глянула на меня красивая девушка – и как кипятком в кровь... Ты мне делала инъекции чего-то там... Немного похоже.

Умер я, одним словом. А она, словно очнувшись, поморгала уже двумя глазами – часто-часто так, неглубоко судорожно вздохнула и сказала без всякого

лукавства, буднично:

— Вот теперь, пожалуй, позволю вам помочь мне с сумкой. Если нам по дороге, конечно.

Конечно, мне было по дороге.

Довольно с тебя пока?

... ..

Ты прикидываешься, или вправду не знаешь, почему у нее временами был такой странный взгляд?

... ..

Ты меня озадачила. Признаться, я иногда думаю, что ничего особенного, скорее всего, в ее взгляде и не было — сам напридумывал для пущего романтизму, так сказать... оказывается — нет (если ты не подначиваешь). Объяснись.

... ..

Потом. Странно только, что ты ничего не знал... Хотя Анку понять можно.

Данет, правда, лучше потом: боюсь, ты грузанешься. Рассказывай дальше. Этот день.

... ..

Да что день... Я много раз рассказывал о нем и всякий раз врал. Выходило очень художественно и литературно. Мы представляли очень красивыми, по-гриновски красивыми и моих байках. Я и сам часто верил своим выдумкам, а уж остальные — и подавно. Осмелился бы кто не поверить! Духу бы не хватило. Человек всегда чувствует, что его готовы убить, а я убил бы любого, кто позволил бы себе неверие или насмешку. Да никому и в голову не приходило, что можно так безбожно врать. «Зачем? Что этим враньем можно добиться? Вранье в данном случае бессмысленно...» — так рассуждает мой среднестатистический слушатель. Ему невдомек, что только наворотив невероятные горы лжи, иногда можно сказать правду. Понимаешь, что я хочу тебе растолковать?

... ..

Не совсем.

... ..

Ты же медик, черт тебя возьми. Тебе никогда не приходилось делать промывание желудка у себя в клинике?

... ..

Когда работала на скорой – приходилось. В клинике этим занимался средний персонал. Но причем здесь это?

... ..

Забыла кавычки в слове «скорая»... Раз делала, значит должна соображать, что промывание – это не просто наказание больного за совершенную глупость, типа: вот, съел гадость, так изволь выпить полведра марганцовки и блевать до потери сознания... Только промыванием можно еще как-то вытянуть из человека ту дрянь, которая уже начинает всасываться в кровь. Теперь дошло?

... ..

Кажется, да. Но лучше ты сам продолжишь свою мысль.

... ..

Лады. Иными словами, я извергал из себя целые потоки лжи, чтобы вместе с ними выскочила и правда, не поранив при этом мое горло своими острыми углами. И она выскакивала. Все были довольны: люди получали интересную картинку, чувствовали себя достойными откровенности, а я получал некоторое облегчение, «публиковался». За письменным столом происходило примерно то же самое. Но этот путь, безусловно, порочен, это суррогат, отсрочка. Отсюда разорванные знакомства и черновики... Целые костры из черновиков. Иные черновики были удачны, в них была душа, блестело благородное серебро и мне жаль их. Другие глядели вялой прописью. Но и те жаль – из них тоже могла получиться печабельная книжонка для фригидных домохозяек. Но больше всего мне жаль бумагу, знаешь,

такая желтоватая, не утомляющая глаза бумага, такой теперь хрен достанешь...

... ..

Да хрен с ней, с бумагой. (Кстати, не «такой», а «такую».) Рассказывай давай!

... ..

Давно ты меня из-за машинки гнала? Деловая такая: сидит, пьет вино, а я дрочусь с этой гребанной клавиатурой! У меня палец не заживает. И про Ревель давно пора занудствовать.

Нет, я пас на сегодня. Хватит. Я тоже вина с тобой выпью. Или бренди. Тебе, кстати, глинтвейнчику в самый раз хлебануть — с твоим кашлем. Я замуто сейчас отменный прог, у нас и лимон где-то заваялся...

Вот и разгрузили страницу ничего не значащими строчками. Так и надо.

... ..

Олег варит прог, отчего по всему дому чудесный теплый и спокойный винный запах. И даже розоватый какой-то, как само вино. А я сижу и вспоминаю, как

... ..

пшла вон от машинки!!! Не могу сегодня слушать более этот треск

... ..

Как мы пили горячее вино из термоса на улице. Мы тогда сидели на скамейке в парке, был поздний зимний вечер. На скамейке лежал забытый кем-то журнал, я положила его себе под задницу, чтобы не простудить женские дела, а он стоял рядом и пил из крышечки. Осушая ее в три больших глотка, он наливал ее снова, отдавал мне и, пока я пила, мерз и грел руки об расписанные розами термосные бока... Я очень любила тогда, и с каждым глотком все больше и больше. А потом

... ..

Да прекратишь ты, или нет, в конце херов? Я

серьезно.

... ..

Я просто дописываю страницу, вот и все.

... ..

Не стоит — не люблю начинать новую мысль с чистого листа. Лучше сделать перенос, чтобы следующая страница оказалась немного забяканной. Тогда меньше вероятности того, что долго просидишь, пялясь на девственно белую бумагу, как баран на это самое. Чистый лист в некоторой степени обессиливает, парализует мысль — словно смотришь в пропасть.

Да! А что это за Он такой? Ведь это не я!

... ..

Я бы рассказала, да лист уже закончился и перенос мы сделали... К чему портить бумагу?

... ..

Летс дринк. Отдыхай, машинка, до завтра.

... ..

мяуу!

... ..

Ну, что за баба чокнутая! Она меня попросту

... ..

... ..

Прошло ннадцать часов. Продолжаем разговор. Голова, кстати говоря, бо-бо... Так на чем я в прошлый раз остановился? Пошуршу листами... Ага. О-куй.

Итак, я помог ей донести до дома сумку. Пока мы шли, ровным счетом никакого разговора меж нами не случилось. Помню только, что я заглянул ненароком в это самую сумку и обнаружил, что она наполнена землей. Меня это слегка удивило, и ситуация показалась мне сноподобной: незнакомая девушка, сумка с землей, идем неизвестно куда... Что-то странное. Но зато — ощущение свободы. Что еще — девушка (какого черта! «девушка»...Уж буду называть ее Ласточкой. Ведь и так понятно, о ком речь, к чему нейтральное «девушка?»).

Ласточка шла правильно: слева и немного сзади. Когда переходили дорогу, доверчиво взяла за локоть и долго, словно забывшись, не отпускала. Мне это было приятно, и чувствовалось, что это — правильно. Я был спокоен. Когда подошли уже к дому и стали у подъезда, Ласточка отпустила мою руку, сделала полудвижение, собираясь забрать у меня свою землю и, видимо, проститься, но тотчас передумала (зря) и сказала:

— Хотите кофе или какао? У меня есть замечательный кофе. Правда, я больше люблю какао, наверно потому, что умею его готовить. Вот папа у меня, наоборот, кофе любит. И готовит его как-то по-особому: поджаривает с сахаром, заливает молоком, не кипятит и наливает в чашку, где был кипяток с ложкой коньяка и долькой лимона. Это все, конечно, выплеснулось перед тем, как налить кофе...

— Как странно, что вы все это мне рассказываете. Впрочем, какао с удовольствием выпью. И даже сварить могу сам. У вас, кстати, не найдется анальгина? Немного зуб болит.

— Наверно, найдется.

С этим мы вошли в подъезд и пешком поднялись на третий этаж.

... ..

Я пришла к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно волшебным светом
По листьям затрепетало

... ..

Вот еще барышня проснулась. Ты хоть физию свою мятую умой.

... ..

Не хаами.

... ..

У тебя, промежду всем, появилась дурацкая привычка болтать во сне. Даже и не болтать — с

тобой можно вести вполне связанный диалог. Я ночью развлекался этим минут десять, как минимум.

... ..

Тебе лишь бы поиздеваться над бедной женщиной. Ты, кстати, всегда был болтлив, в смысле — во сне. Да-да.

... ..

Я сейчас подумал: как это странно должно быть, подслушать, о чем мы с тобой во сне беседуем. Даже жутко: лежат двое, спят и трепяются о чем-то бредовом.

... ..

А что удивительного? Ведь мы практически не разговариваем сейчас, разве что через машинку или ненароком. Вот и происходит такая котовасия. Нечто подобное бывает, если лишить человека фазы быстрого сна: мозг в этот случае не отдыхает и, если дать ему возможность спать, как ему хочется, то сны становятся необычайно продолжительными и яркими, сновидения идут гурьбой, оптом.

... ..

Катавасия, а не **котовасия**... Иди погуляй. Я пока поработаю немного. И не воняй в кухне всякими завтраками, видеть даже еду не могу. Сгоняй лучше за минералкой или тоником.

... ..

Я куплю лучше склянку спирта и томатный сок.

... ..

Пожалуй. А я как раз успею дописать для тебя первый день.

... ..

Давай-давай. Мне скорее всего будет чем дополнить твой рассказ. Я в некотором роде участвовала тогда.

... ..

В самом деле?

... ..

Да... Скажи: а вы что, сразу влюбились друг в друга?
Всегда занимало.

... ..

Я вообще не назову наши отношения любовью. Влюбленные обычно посматривают на окружающее весело и снисходительно, словно катаются на карусели: немного укачивает, слегка утомляет, но это лишь сопутствует празднику, не угнетая его. Мир вокруг смазывается, и остается неподвижным только маленький мирок: два человека, словно в комнатке с забавными кривоватыми зеркалами, уничтожающими стены — иллюзия бесконечности, которая не мешает интимности.

Мы же — наоборот, открыли мир и загрустили этим открытием, ощутив зыбкость и смертность всего, а еще ранее — нашу собственную смертность и зыбкость. Жизнь вдруг понеслась стремительно и бесповоротно, как горная река, вдали послышался шум водопада, похожий на свист втискиваемого между зубов дыхания. Или на шорох песка в огромных песочных часах — звук времени.

Водопад низвергался, образуя внизу водоворот, в центре которого безмятежно и спокойно. Попав туда, понимаешь, что это место желанно, там испытываешь не легкость бытия, а само бытие. Там мы просто жили и были живы. И нам казалось, что так будет всегда — песка в наших часах достаточно. У нас образовался замечательный союз четырех: Я, Ласточка, Время и Любовь. Нам было хорошо вместе, мы помогали друг другу.

Но часы разбились, выплюнув пустыню. Осколки слепили нас своим блеском. Чувства заострились, как ножи, ранили наши неопытные, нежные руки и души.

(Извини за вычурные развесистые, подстриженные под пуделей фразы — я не могу по-спартански: тип таймс; не могу без академических завитушек — будет слишком похоже на протокол. Плюнь в этот лист, преврати чернила

в кляксу, но не могу я иначе. Не хочу: у меня была Ласточка и было счастье. Потом Ласточки не стало, и я несчастен. Эта скрипучая, как ржавые ножницы и ржавая, как сухая кровь, правда колет мне глаза. Для меня этой правды нет. Есть только память, и эта память — моя. Я могу делать, что пожелаю — я желаю так. Итак:)

Песочные часы треснули, выплюнув пустыню, и заискрились многими осколками. Время превратилось в обычный песок — мертвый и неподвижный. Наш, теперь уже тройственный союз, оказался под угрозой гадливой смерти, угрозой гибели. Тройственный союз не вечен, не долгов — кто-то обязан уйти во благо остальных. И Ласточка ушла, предпочтя свой уход уходу Любви. Предпочла смерть — гибели.

Так мы остались вдвоем, и этот союз — навсегда. Смерть не смеет вмешаться: патовая ситуация. Я, конечно, ткну короля мордой в клетки, но не раньше, чем эта книга будет закончена.

Ладно, ты в магазин-то пойдешь или нет? Там у тебя и поговорить будет возможность, кстати.

... ..

Ладно, ладно. Иду.

... ..

Ладно, ладно... Ладно... Не знаю, есть ли нужда описывать тебе Ласточкину комнату... Ведь ты там бывала и прекрасно все сама знаешь...

...